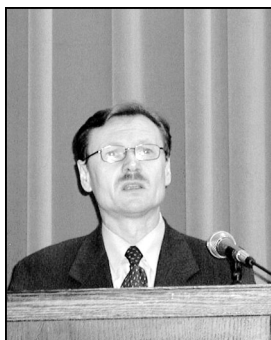

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕРУССКОГО СЧЕТА: ДЕВЯНОСТО

Восточнославянское числительное *девянсто* составляет одну из самых интригующих загадок этимологии. Известно, что ни у западных славян, ни у южных славян его нет. Там представлена закономерная форма обозначения десятков: болг. *деветдесѣт*, макед. *деведесет*, сербохорв. *деведѣсет*, словен. *devêtdeset*, чеш. *devadesát*, словц. *deväťdesiat*, пол. *dziewięćdziesiąt*, в.-луж. *dźewjećdźesat*, н.-луж. *źewjěszaset* (см. Корецьнѹ, 88). Действительно, в ряду *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* естественным продолжением могло быть только *девятьдесят*, однако по неясным причинам это естественное, ожидаемое соответствие было утрачено, а его место заняло другое слово — *девянсто*. В старославянских источниках встречается только закономерная форма **ДЕВАТЬ ДЕСАТЬ**.

Числительному *девянсто* посвящено немало работ, но до сих пор оно не рассматривалось в связи с общими закономерностями образования числительных, а также на фоне отступлений от стандартной системы счисления.

До недавнего времени считалось, что числительное *девянсто* встречается в древнерусских источниках не ранее второй половины XIV в. Так, в СДРЯ XI–XIV в. (II, 452) первая фиксация числительного отмечается по грамоте 1380–1417 г.: *девянсто рѹбле(в)*. В словаре не приведен более ранний и очень любопытный контекст из ЛЛ 1377, 121: *бы(с) же оу поганы(х) ѿ сѹть копии. а оу Руси девянсто копии*. Это яркий пример параллелизма числительных ‘90’ и ‘900’ как верхних уровней десятичного счисления, наделенных чертами мифологизированного счета.

Недавние находки позволяют существенно удревнить датировку. Одна из самых ранних фиксаций находится во фрагментированной грамоте: *въ девянсть*- ГрБ № 815 (60–70-е г. XII в.). Другой ранний пример обнаружен в Паремейнике XII в. О. А. Князевской¹. *Девянсто* документируется ГрБ № 761 (XIII₂): *на жьстове селищъ девянсото а в оке третѣа цасте*.

Недавно В. Б. Крысько обнаружил числительное *девянсто* в книжном тексте этого же времени: *въ девянсть <ѣ> ї девати* СбТол (XIII₂), 74². Неординарны обстоятельства, в которых это произошло. В. Б. Крысько обратил внимание на то, что числительное *въ девати десати ї девати* в СбТол XIII₂, 74 написано по стертому тексту. После проведения компьютерного сканирования и была выявлена стертая надпись, в которой читалось числительное *девянсто*. Обнаруженное чтение наиболее интересно, потому что в нем представлена косвенно-падежная форма. Числительное ‘90’ здесь является композитом, а не сочетанием слов, поскольку в этом случае ожидалась бы форма *въ деван ѣ сът ѣ*.

В. Б. Крысько назвал записанное по стертому числительное традиционным церковнославянским обозначением. Это не вполне точно, потому что числительное *въ деватидесати ї девати* является морфосинтаксической инновацией, а традиционная форма имела бы другой вид — *въ девати десать ї девати*. В. Б. Крысько полагает, что причиной правки стало то, что числительное *девянсто* «носило чисто разговорный характер», что оно является остатком девятичного счета и связано с дохристианскими представлениями.

Любопытно, что техническая сторона правки словно бы служит иллюстрацией одной из этимологий О. Семереньи, поскольку в рукописи *сати* записано поверх *сът <ѣ>*³. О. Семереньи,

¹ Благодарю коллег А. А. Гишпиуса и А. М. Кузнецова, которые сообщили мне об этом факте. Выражаю признательность В. Б. Крысько, который указал мне на ряд работ, связанных с данной тематикой.

² Крысько В. Б. *Miscellanea paleorossica // Papers in Slavic, Baltic and Balkan Studies*. Helsinki, 2001. С. 110.

³ *Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals*. Heidelberg, 1960. С. 65–66.

автор известной монографии по этимологии индоевропейских числительных, допускал возможность именно подобного звукового сближения. У него выстроена следующая цепь изменений: *девять* *десять* > *девяносто* > *девяносто* > *девяносто*⁴.

Действительно, разного рода изменения как в конце слова, так и в начале слова именно для числительных являются скорее правилом, чем исключением. Числительные образуют особого рода текст — счетную последовательность. Композиционной приметой этого текста являются морфонологические сближения соседних слов. Так, праславянское **ǵsta* изменилось в **ostь* под влиянием **sedь*, а праславянское **nevъ* (< **nevъn* < **newŋ*) или **nevъ* '9' изменилось в **devъ* под влиянием соседнего **desъ* '10' (< **desъm-t* < **dek'ŋ-t*). Старая огласовка *ne-*, а не *de-* сохранилась в сербских и чешских местных названиях растения девясил: *nevъsilъ* и *nevъsil* (см. Фасмер I, 491).

Последняя по времени статья, посвященная числительному '90', принадлежит Л. Хонти⁵. Он, напомнив о существующих этимологиях, решительно предпочитает им всем упомянутое этимологическое решение О. Семереньи. Он считает, что исходной формой для числительного *девяносто* могло быть только составное числительное *девять десятъ*, которое является системно ожидаемым и представлено во всех славянских языках, кроме восточнославянских. Хонти отвергает возможность финно-угорского заимствования в русском⁶. Он опровергает предположения о девятичной системе счисления как в финно-угорских языках, так и в древнерусском. Поэтому считает, что объяснение числительного *девяносто* как девятичной, «малой сотни» оказывается ложным.

Стоит добавить, что «фонетическая» этимология может иметь иной источник. Если исходить из исконной огласовки числительного '9' **nevъn* < **newŋ*, то переход *d* > *n* предстанет не просто вероятным диссимилятивным изменением, а ожидаемым аналогическим развитием — как и сближение с числительным *сто*: **nevъn desъmtān* > **nevъn nesъmtān* > **devъnesъmtān* '90' ~ **sъmtām* < *k'ŋtom* '100'⁷.

Тем не менее древнерусское числительное *девяносто* имеет прозрачную внутреннюю форму и может быть понято как «девятичное сто». Сохраняется вероятность того, что эта мотивированность у числительного *девяносто* не вторичная и случайная, а исконная, т. е. числительное восходит к количественному выражению *девятичное сто*. Именно данная огласовка выступает в старопольской фиксации данного числительного под 1420 г. *dziewiętność*. Скорее всего польский пример в силу эпизодичности не является самостоятельным, а отражает существовавшую в восточнославянскую форму. Этот пример содержится в «Праславянском словаре», издаваемом польскими авторами. Они трактуют *девяносто* как праславянскую диалектную инновацию, которая является следом древнего счета девятками⁸.

Впервые связал числительное *девяносто* с девятичным счетом, по-видимому, А. И. Соболевский⁹. Говоря о девятичном счете, он ссылаясь на следующие примеры: в одном

⁴ О. Семереньи высказал еще одну этимологическую гипотезу, которую считает более предпочтительной. Он допускает, что раннепраславянское **sinto* 100 изменилось в **sъto* под влиянием предшествующего **devinsъ(m)* < **newŋk'om* 90. Одновременно он, как ему кажется, решает другую сложную проблему, объясняя происхождение древневосточнославянского *девяносто* < **devъnosъto* взаимодействием двух соседних числительных.

⁵ Хонти Л. Заметка по этимологии русского числительного *девяносто* // *Этимология*. 1986–1987. М., 1989. С. 159–164.

⁶ Тюркское влияние остается ничем не подтвержденным, произвольным допущением, как можно заключить из статьи Хэмпса, который, не считая необходимым касаться смысловых особенностей тюркского числительного 9, находит в числительном *девяносто* — 9th (decade) *s(ъ)to* — отражение тюркской модели числительных вроде 5 + 100 = 95 (где последующее числительное используется для обозначения предшествующих ему количественных значений). Проникновение ее в славянскую речь он связывает со славяно-тюркским билингвизмом (см.: *Напр Е. Р. Десяносто 90* // *Russian Linguistics*. 1975. Vol. 2. No. 3/4. С. 220–221).

⁷ А. Мейе, как известно, допускал два праславянских рефлекса индоевропейских **m* и **n* < **mt*, **nt* и **bn*, **bn* (см.: *Мейе А. Общеславянский язык*. М., 2000. С. 52).

⁸ SP III, 88.

⁹ Соболевский А. И. Заметки по славянской морфологии // *Slavia*. 1926—1927. V. С. 451—453.

из древнерусских слов, обличающих русских двоеверов, говорилось, что те поклоняются «виламъ и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихъже нарицають три 9 сестрениць». Сходное чтение есть и у Срезневского: Вѣрують... въ вилы. ихъже числомъ .г.ѳ. сестрениць Сл. Христ. Паис. сб. (Срезн. I, 651). Кроме того, Соболевский напомнил известную формулу русских сказок — «за тридевять земель», а также привел очень выразительные примеры с числительным «тридевять» из свадебного чина московских бояр XVI—XVII в. по спискам «Домостроя». Там говорится, что для новобрачных «изготовятъ 3 девять сноповъ ржаныхъ, поставятъ ихъ стоймо и на то ковер и постелю», «(боярыня держитъ на блюдѣ) 3 девять лоскутовъ разныхъ цвѣтовъ камки и тафты, 3 девять пѣнызей серебряныхъ золоченыхъ малыхъ». К девятичному счислению Соболевский отнес редкие примеры счета по 90 вроде сообщения неизвестного по имени Суздальца о пути на Флорентийский собор: «отъ Новагорода до Пскова два 90 версть».

Наиболее ранний пример счетного выражения *тридевять* был найден в берестяной письменности. Он встретился в ГрБ № 715, которая датируется первой половиной XIII в.:

**ТРИДЕВАѢ<Т>О АНЕЕЛО ТРИДЕВАѢ АРОХАНЕЛО
ИЗБАВИ РАБА ЖЕѢ МИХЕѢ ТРАСАВИЧЕ
МОЛИТВАМИ СВАТЫѢ БОГОРОДНИЧѢ**

А. А. Зализняк полагает, что числительное *тридевять* не может обозначать точного количества (например, 27). Это «мифологизированное обозначение некоего большого количества, соединяющее в себе сакральные свойства числа девять и числа три»¹⁰. Однако сохранилось немало число примеров, где, не теряя своего мифологизированного характера, это числительное передает точную арифметическую величину — 27. В славянском фольклоре сохраняется связь данного числительного с конкретным счетом, который имел ритуально-магическую функцию.

Числовое выражение «тридевять» известно не только у восточных славян. Его примеры есть и у южных славян¹¹. Очень широко оно распространено в балтийской традиции¹². Встречается в других индоевропейских языках в древности. Но это вовсе не связано с девятичным счислением, как предполагал А. И. Соболевский и другие исследователи. Никаких систем счисления, альтернативных десятичной не было. Выражение *тридевять* является частной, ограниченной формой счета, которая отражает структуру постоянных природных объектов.

Эта ограниченная форма у славян имеет индоевропейские корни. Числительные '7' и '9' у древних индоевропейцев варьируют, поскольку выражают «конкурентные» формы членения временного континуума — в частности, промежутки лунного календаря¹³. В древних хронологических системах 28-дневный месяц, состоящий из четырех 7-дневных недель, основывается на смене лунных фаз, а 27-дневный месяц, складывающийся из трех 9-дневных недель, соответствует периоду, в течение которого Луна проходит зодиакальный круг¹⁴. Это противопоставление находит поддержку в современных астрофизических представлениях, согласно которым различают три

¹⁰ Зализняк А. А. Древнейший восточнославянский заговорный текст // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993. С. 105. Очень близкая характеристика содержалась в нашей статье (см.: Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 105–106). Взгляд, близкий излагаемому ниже, представлен в другой нашей статье: Жолобов О. Ф. Древнерусский счет: *деся, наця, тридевя...* // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. No. 3. С. 301 и сл.

¹¹ См.: Витанова М. Следы от бройни системи, различни от десетичната, в българските говори // Българска реч. Година VII/2001. Кн. 3. С. 14–17.

¹² Лекомцева М. И. Семиотический анализ одной инновации в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993. С. 212 и др.; Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1998. С. 504–505.

¹³ Roscher W. H. Die Sieben- und Neunzahl im Kultus und Mythos der Griechen. Leipzig, 1904. С. 73.

¹⁴ Впрочем, и фазовый подход мог приводить к тричному членению лунного цикла. Ср. выделение трех фаз в заговоре: *на новом месяце и на ветхи месяце, и на перекрое месяце, во вся межженные дни, не могла бы она, раба Божия Н., без меня раба Божия Н., ни жить, ни быть РусНар, 251.*

разновидности лунного месяца: а) синодический месяц — период смены лунных фаз, равный 29,5306 средних солнечных суток; б) сидерический месяц — время полного оборота Луны вокруг Земли относительно звезд, равный 27,3217 суток; в) драконический месяц — промежуток между двумя последовательными прохождениями Луны через один и тот же узел орбиты, равный 27,2122 суток. Отмеченная Рошером конкуренция двух хронотипов в действительности могла означать противопоставление «фазового» и «звездного» месяцев как хозяйственно-бытовой и ритуально-магической календарных систем.

Древнеславянские контексты с упоминавшимися ранее «тридевятью сестреницами» — берегинями или вилами — вполне могут быть родственными ведийской традиции, в которой 27 дочерей бога Дакши, персонифицирующие сидерический месячный цикл, были отданы в жены богу Соме, связанному с Луной, растительностью и влагой. Эти атрибуты присущи и славянским берегиням или вилам, а индоевропейская параллель проясняет их происхождение и функциональность. Между славянской и ведийской линией здесь слишком много сходного, чтобы оказаться простым совпадением. В исследованиях по мифологии в характеристике этих персонажей (берегинь и вил) до сих пор нет единства¹⁵.

Итак, значение данного выражения в мифологической традиции состояло в следующем: числительное '3 × 9', или '27', восходящее к счету дней сидерического (звездного) месяца, воплощало идею полносчетного множества, которое обладало магической силой, вобравшей в себя магические возможности каждого из 27 «божественных» его покровителей.

На фоне этой ограниченной формы счета проясняется происхождение и функциональная направленность другой древнеславянской конструкции. Известно, что в древнерусских памятниках встречается, наряду с обычной, особая форма счета для единиц третьего десятка '21'–'29'. См.: и самъ же *д* межю *десѣтьма* · *стухиѧ* · *хоцеть вьса мнѣти* (кѡ) КЕ XII, 254b; не боле *четыре межю десѣма чѣть* повелѣваѣмъ даати (оу плѣвон тѣссѡрвон кератіѡвн дѣдѡнѡи сууѡрѡѡмеѡ) 304a; въ · *иѧ* · же *лѣ(т)* цр(с)тва *кѡ* распѣть бы(с) г(с)ь и вьста въ · *кѡ* · Фамеофа м(с)ца, рекше · *е* · *межю дьсѣтьма*, свитающѧ не(д)ли въ *кдинь* соуботь ГА XIV¹, 138b; А въ *третии межю десѣ* похороненъ оу ста(г) Михаила ЛЛ 1377, 103 (под 1141 г.)¹⁶.

Маловероятно предположение Б. Комри¹⁷ о том, что эта числовая формула отражает постепенное развитие счета, т. е. сначала выше десяти, а затем выше двадцати. Более правдоподобно другое предположение: данная схема отражает постоянную структуру считаемых объектов¹⁸. Так, например, число дней в лунном месяце приближается к тридцати, не превосходя этого числа¹⁹. Около тридцати дней длится месяц в солнечном календаре. В связи с этим обращает на себя внимание применение данной числовой схемы к счету дней в приведенных выше примерах. К объектам с постоянной структурой принадлежит и греко-славянская буквенная цифирь, которая насчитывает 27 знаков, а точнее — трижды девять знаков, потому что в каждый из трех разрядов — единицы, десятки, сотни — входило по девять буквоцифр. Сама десятичная система счисления возникла в результате отражения природных объектов с постоянной структурой, а именно — 10 пальцев обеих рук человека.

¹⁵ Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 155–156, 369–371.

¹⁶ Ср. правильное чтение: в *третьи межю десѣма* ЛР к. XV, 172 (под 1141 г.).

¹⁷ Comrie B. Balto-Slavonic // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. С. 722.

¹⁸ К такого рода объектам принадлежит и греко-славянская буквенная цифирь, которая насчитывает 27 знаков. Ср. отождествление количества букв греческого алфавита или суточного цикла (24 часа) с числом «стихий» в приведенном выше контексте.

¹⁹ В языческой традиции каждый из дней ассоциировался с сакральным персонажем, которые в своей совокупности образовывали счетный хронологический цикл. Совпадение названий временного промежутка и небесного светила в слове *месяц* у славян доказывает, что лунный календарь был живым явлением. В таком архаическом жанре народной словесности, каковым является заговор, упоминаются временные вехи, соотносимые с фазами Луны. Ср.: *на новом месяце и на ветхих месяце, и на перекресте месяце, во вся меженные дни, не могла бы она, раба Божия Н., без меня раба Божия Н., ни жить, ни быть* РусНар, 251.

Яркий пример отражения в системе числительных счета предметов с постоянной структурой представляет древнерусское числительное *сорокъ*. Письменные памятники склоняют к тому, чтобы видеть источник числительного *сорокъ* в существительном, обозначававшем связку пушнины и имевшем широкое распространение в хозяйственно-бытовой сфере. Самый ранний пример числительного *сорокъ* встретился в берестяной грамоте № 810 (40–70-е г. XII в.): *дови осмини (и четв)ьртиною а п сорокою ризано*.

Довольно ранний пример употребления числительного содержится в записи XIII в., которая находится в книжном тексте — в Триоди XII–XIII в. на л. 256: *а лежалъ сорокъ лѣтъ* (имеется в виду болезнь). Поскольку в последнем примере содержится указание на временной промежуток, а запись принадлежит образованному человеку, допустимо считать, что утверждение нового числительного по паронимической ассоциации могло быть поддержано греч. употреблением: *σαρακοστή* ‘сорокадневный пост’ (см. Фасмер III, 722).

В связи с вышеизложенным естественно было бы видеть и в образовании числительного *девянсто* обозначение какого-то рода явлений с постоянной количественной структурой. Образование числительного *девянсто* может быть отражением важного исторического события — строительства Десятиной церкви и сопровождающих его обстоятельств. Ср. летописное сообщение под 996 г., а также указание Устава князя Владимира Святославича о судах церковных: *Володимеръ... рекъ сице даю цркви сеи стѣи Бѣи ѿ имѣнья моѣго и ѿ градъ моихъ десатую часть и положи написавъ клятву въ цркви сеи* ЛЛ 1377, 43; *создахъ црковь стѣи бѣа десатинноюу. и дахъ ки десатиноюу. по всеи земли роусьстѣи. и с княжения въ сборноюу цркви. ѿ всего княжа соуда. десатюу въкъшу. а и с торгоу десатуюу недѣлю. а из домовъ на всако лѣто. ѿ всакого стада. и ѿ всакого жита* УВлад сп. сер. XIV, 628а–б (СДРЯ II, 458).

Этот контекст означает, что всякая сотня любого прибýtка или имущественного достатка становилась особой девятичной сотней — сто превращалось в девянсто. Новое числительное первоначально сохраняло амбивалентность, как об этом и говорит его внутренняя форма. С одной стороны, оно обозначало реальное сто, но, с другой стороны, это сто включало в себя десятину, а значит, в какой-то момент должно было превратиться в «девяность».

По-видимому, эта амбивалентность и обусловила правку числительного *девянстѣ* на числительное *девятидесати* в СбТол XIII₂. Числительное *девянсто* никак не связано с девятичным счислением, которого не существовало. Напротив, его образование обусловлено закономерностями десятичного счисления. Исконное числительное *девятъ десатъ* вполне удовлетворяло девятичному счислению, если бы оно было реальностью.

Поэтому понятно, почему первоначально неполное сто — это ‘80’, а не ‘90’. Это обусловлено тем, что ‘90’ — это полное сто после вычета десятины:

аче не боудеть полна ста оу домажирича. а осмь десатъ выдать а дополнок възметь .к гриве(н) оу княза исъ клѣти УСвят 1136/1137 сп. сер. XIV.

Таким образом, рассмотрение этимологии числительного *девянсто* может быть ограничено двумя направлениями, исходящими из вторичного или исконного характера его внутренней формы «девятичное сто». Для окончательного вывода недостает языковых данных, и их поиски должны быть продолжены.

Вместе с тем следует заметить, что ‘9’ имеет особую природу. Оно выражает завершающее число счетных единиц на разных уровнях десятичного счисления — девять единиц, девять десятков, девять сотен и т. п. Это свойство, как и связь с календарным счетом, обуславливает отмеченность данного числа в разных культурах — в том числе в таких несходных, как славянская и тюркская²⁰.

²⁰ Как указал мне И. Г. Добродомов, у тюркских народов существовал обычай делать подарки из 9 различных предметов. Вероятно, именно его отражают примеры девятичного счета в дипломатической переписке с крымскими татарами, отмеченные Б. Унбегауном (*Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1500-1550). La flexion des noms. Paris, 1935. С. 418—419).*

Счет по девяноста в русских летописях точно отражает соотношенность '9' и '90' в десятичной системе счисления. Мифологизированному счетному выражению '3 x 9' в летописях соответствует '3 x 90':

Домонть со Псковичи съ тремя девяносты плѣни землю Литовскую... два же девяноста мужь отпrowади съ полономъ въ Псковъ Новг. IV л. 6774 г.; Двѣ же девяностѣ мужь отпrowади съ полономъ, а во единомъ девяностѣ самъ ся оста, жда по себѣ погони Псков. I л. 6773 г. Срезн. I, 650.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

ГрБ (+ номер грамоты) — Грамоты берестяные // *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1996 г. // Вопросы языкознания. 1997. № 2; Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4.

ГА XIV₁ — *Истрин В. М.* Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I: Текст. Пг., 1920.

КЕ XII — Кормчая Ефремовская // *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1, вып. 1–3. СПб., 1906–1907.

ЛЛ 1377 — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1962.

ЛР к. XV — Радзивилловская летопись // ПСЛР. Т. XXXVIII. Л., 1989.

РусНар — Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Кн. 1. М., 1996.

СбТол XIII₂ — Толстовский сборник. Рукопись РНБ. Ф. п. I. 39.

Тр XII–XIII — Триодъ постная и цветная. Рукопись РГАДА. Ф. 381. № 137 (Тип. № 254).

УСвят 1136/1137 сп. сер. XIV — Устав Святослава Ольговича // *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

СЛОВАРИ

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–6. М., 1988–2002.

Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Кореѣнѣ — *Кореѣнѣ F.* Základní všeslovanská zásoba. Praha, 1981.

SP — Słownik prasłowiański / Pod red. Fr. Sławskiego. T. 1–7. Wrocław etc., 1974–1995.

Если это и так, то обычай выступает с русским «акцентом», поскольку в переписке упоминаются не просто *девятъ*, а *тридевятъ* «поминков»-подарков: *одну девятъ* поминков взял, 1516, ДСК, II, 310; а съ нимъ бы еси прислалъ ко мнѣ *девятъ* кречатовъ, да *девятъ* портищъ соболей, да *третью девятъ* пришли горностаевъ, 1517, (Ibid., 445); дай ты сыну моему Алпу отъ себя *три девяти* поминковъ, 1516, ДСК, II, 274; пожаловалъ есми сына своего Алпа царевича *трема девятми*, и ты дай отъ себя сыну моему Алпу *двѣ девяти*, а *третью девятъ* язъ ему отъ себя дамъ изъ казны (Ibid.); проси шедъ у Ивана отъ царя Алпу царевичу *дву девятей* поминков, (Ibid., 275); и ты бы мнѣ прислалъ *тридевятъ* кречетовъ молодиковъ, 1515, ДСК, II, 156; да за *тридевятъ* поминковъ запросныхъ чтобъ было узорочье, 1517, (Ibid., 445).